
Н. С. РОЗОВ

ПРИНЦИП КАНТА – КАМАРОВСКОГО И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА*

В статье развиваются идеи И. Канта о «законосообразности» в отношениях между государствами как главном условии предотвращения войн и достижения устойчивого («вечного») мира. Поскольку войны в XXI в. возобновляются, идеи Канта остаются актуальным вызовом для современных и будущих мировых лидеров, политиков и дипломатов. Отмечен значительный вклад России конца XIX – начала XX в. в развитие правового регулирования вопросов войны и мира в Европе. Особая роль принадлежит графу Л. А. Камаровскому, его трактату «О международном суде» (1881 г.), где четко обозначены проблемы реализации верховенства права в системе международных отношений. Сформулирован принцип Канта – Камаровского. Кратко обозначены основные идейные и институциональные достижения за последние сто лет. Начало XXI в. – время активных дискуссий относительно глобального конституционализма в сфере международного права. Здесь ведется острая полемика, выдвигаются разнородные проекты, изложенные в недавнем фундаментальном труде А. Н. Медушевского, однако в них не уделяется должного внимания ключевой проблеме солидарной силовой поддержки авторитетного независимого суда. Рассмотрены самые высокие барьеры для реализации верховенства права и условия их преодоления. Проблемой остается универсальность международных правовых норм. Показано, что императив вовлечения государств в широкую гуманистическую коалицию требует эволюционного подхода как развития идей Канта о значимости антагонизма в мировой истории.

Ключевые слова: И. Кант, трактат «К вечному миру», Л. А. Камаровский, трактат «О международном суде», верховенство права в гео-

* **Для цитирования:** Розов Н. С. Принцип Канта – Камаровского и проблемы глобального конституционализма // Философия и общество. 2025. № 1. С. 42–59. DOI: 10.30884/jfio/2025.01.02.

For citation: Rozov N. S. The Kant-Kamarovsky Principle and the Issues of Global Constitutionalism // Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society. 2025. No. 1. Pp. 42–59. DOI: 10.30884/jfio/2025.01.02 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2025 42–59

DOI: 10.30884/jfio/2025.01.02

политике, принцип Канта – Камаровского, гуманизм, антропростасия, правовой миропорядок, социальная эволюция.

The article develops I. Kant's ideas about "lawfulness" in relations between states as the main condition for preventing wars and achieving sustainable ("eternal") peace. Since wars are renewed in the 21st century, Kant's ideas remain a relevant challenge for contemporary and future world leaders, politicians and diplomats. The significant contribution of Russia in the late 19th century and early 20th century to the development of legal regulation of war and peace issues in Europe is noted. A special role belongs to Count L. A. Karamovsky, his treatise "On International Court" (1881), where the problems of realization of the rule of law in the system of international relations are clearly outlined. The Kant-Karamovsky principle is formulated. The main ideological and institutional achievements over the last hundred years are briefly outlined. The beginning of the 21st century is a time of intense debate about global constitutionalism in the field of international law. There is a sharp polemic here, and heterogeneous projects are put forward, as outlined in A. N. Medushevsky's recent seminal work, but they do not pay due attention to the key problem of solidarity force support for a credible independent court. The highest barriers to the realization of the rule of law and the conditions for overcoming them are considered. The universality of international legal norms remains the problem. It is shown that the imperative to involve states in a broad humanistic coalition requires an evolutionary approach as a development of Kant's ideas about the significance of antagonism in world history.

Keywords: *I. Kant, treatise “Toward Eternal Peace”, L. A. Kamarovsky, treatise “On International Court of Justice”, rule of law in geopolitics, Kant – Kamarovsky principle, humanism, anthroprostasia, legal world order, social evolution.*

Вызов Иммануила Канта будущим политикам и дипломатам

И. Кант отталкивался от рассуждений Ж.-Ж. Руссо, но развил их с присущими великому мыслителю блеском и глубиной, связав с ходом, смыслом истории и непреложными правовыми принципами («законосообразностью»). Главное кантовское наследие в этой сфере составляют статья «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.) и трактат «К вечному миру» (1795 г.).

Кант учитывает неискоренимость конфликтов между людьми («неуживчивость», «антагонизм»). Он считает соперничество, вражду не только двигателем прогресса, но также причиной становления гражданского устройства и правового общества – «законосообразного порядка» как свободного и добровольного подчинения граждан нравственным и юридическим законам.

Кант с немалой философской смелостью претендует на раскрытие «тайного замысла природы» – прямого аналога божественного Провидения. «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую вынуждает его природа, – достижение всеобщего правового *гражданского общества*» [Кант 1994а: 95].

Здесь прямо идет речь о смысле и направленности всемирной истории. То, что Кант формулирует как «величайшую проблему», вполне можно назвать вызовом-возможностью для человечества – *самоиспытанием на способность к установлению гуманных порядков*. Отметим, что «правовое гражданское общество» у Канта является также «*всеобщим*», а значит, не ограниченным национальными рамками (!).

Что же происходит на международном уровне? Согласно И. Канту, государства находятся еще «в естественном состоянии», они склонны враждовать между собой и развязывать войны. Если внутри своих границ каждое государство способно силой принуждать к исполнению законов, то чем же может быть обеспечен всеобщий правовой порядок? Кант вначале апеллирует ко всему человеческому роду: «*Эта проблема является самой трудной и вместе с тем такой, которая позднее всех других решается человеческим родом*. Трудность, на которую указывает уже сама идея этой задачи, состоит в следующем: человек – это животное, которое, живя среди других членов своего рода, *нуждается в господине* <...> который сломил бы его собственную волю и заставил бы его подчиниться общепризнанной воле, при которой каждый может быть свободным. Где же найдет он такого господина? – Нигде, кроме как в человеческом роде» [Там же: 97, 99].

Затем Кант предлагает государствам объединиться в «великий союз народов» (*Foedis Amphictyonum*), который позволит людям отказаться от своей животной свободы и искать покоя в безопасности и законосообразном (уже международном! – *Н. Р.*) устройстве» [Там же: 101–103].

Через 11 лет И. Кант публикует трактат «*К вечному миру*» (1795 г.), где возвращается к той же теме. Он трактует каждое государство как «моральное лицо», которое, подобно гражданину в правовом обществе («законосообразном гражданском устройстве»), должно вступить в договорные отношения с другими государствами, предлагает тексты конкретных договоров. Неявное, но самое значимое достоинство трактата состоит в том, что в нем Кант фактически прямо формулирует *запрос на международный суд, подкрепленный силой*: «Ведь война есть печальное, вынужденное средство в есте-

ственном состоянии (*когда нет никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона* [курсив мой. – Н. Р.]) утвердить свои права силой, когда ни одна из сторон не может быть объявлена неправой (так как это уже предполагает судебное решение) и лишь исход войны (подобно тому, как это имеет место в так называемом Суде Божьем) решает, на чьей стороне право» [Кант 1994б: 365–367].

По каким-то причинам кантовский императив учреждения «судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона», хоть и обсуждался весьма активно в XIX в., даже обрел некое воплощение в XX вв. (см. ниже), но не настоящую «силу закона».

Интеллектуальный вклад России и принцип правового расширения

В России Василий Федорович Малиновский, будущий директор Царскосельского лицея, в 1803 г. издал книгу «Рассуждение о мире и войне», где излагал план создания международной организации, призванной обеспечить мир [Трактаты... 2003: 365–387].

С середины XIX в. в европейской, в том числе российской, политико-философской и правовой мысли шло особенно активное и интеллектуально богатое обсуждение способов ограничения и предотвращения войн, в том числе на правовых основах, посредством третейских судов и постоянно действующего международного суда.

Российские ученые – Д. И. Каченовский, Л. А. Камаровский, Т. Ф. Степанов, В. М. Гессен, В. А. Уляницкий, Ф. Ф. Мартенс, В. А. Незабитовский, В. П. Даневский, А. Н. Стоянов и др. – хорошо знали эти проекты и дискуссии, выступали с собственными содержательными идеями и инициативами.

Для обсуждаемой темы особое значение имеет фундаментальный труд графа Л. А. Камаровского¹ «О международном суде», переведенный на французский – язык мировой дипломатии той эпохи. Вот как трактовал Камаровский значимость подчинения политики общей безопасности ведению права и международного суда: «Безопасность – первое требование для каждой формы общежития. Но мы знаем по историческому опыту, что насилия и беззакония между людьми сокращаются по мере введения и укрепления юри-

¹ Леонид Алексеевич Камаровский (1846–1912) – юрист-международник, заслуженный профессор и декан юридического факультета Московского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук. Исполняя обязанности ректора МГУ (1911 г.), заступался за протестовавших студентов и спас московское студенчество от массовых отчислений.

дического порядка. Такой же порядок немыслим без суда как органа, специально призванного охранять объективное право и давать юридическую защиту субъективным правам членов известного союза <...>. Великое, даже единственно серьезное возражение против международного третейского суда заключается в вопросе о силе, долженствующей приводить в исполнение решения этого суда» [Камаровский 1881].

Эта цитата показывает высокий уровень обсуждения и ясного понимания значимости верховенства права, главенствующей роли международного суда в вопросах войны и мира, достигнутый почти полтора столетия назад. Не утерян ли он в современных дискуссиях?

С начала XX в. наращивались усилия по правовому упорядочению военной сферы.

По инициативе России в 1899 и 1907 гг. в Гааге были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, заложившие основу международного гуманитарного права и предотвращения войн средствами права. Тогда же был впервые учрежден международный суд [История... 2013: 280; Саямов 2017]. Здесь очевиден ключевой вклад именно российских юристов-международников. Неслучайно тот же Л. А. Камаровский был членом Гаагской палаты третейского суда, членом международного третейского суда. Хорошо известны последующие вехи международного регулирования сферы войны и мира:

- создание Лиги Наций в 1920 г.;
- учреждение в 1946 г. Организации Объединенных Наций с Советом Безопасности (СБ ООН), Международным судом (МС ООН);
- Нюрнбергский процесс²;
- принятие Римского статута в 1998 г. и начало работы в 2002 г. Международного уголовного суда (МУС), вовлечение в Римский статут большинства стран.

Главными акторами этой политики были и остаются государства, изначально – державы-победители в обеих мировых войнах. Такой путь многое определил в дальнейшем порядке регулирования вопросов войны и мира, в том числе его довольно низкую эффективность. Гораздо успешнее дело продвигалось в составлении, принятии благонамеренных, гуманистических по духу и букве деклараций и резолюций, пусть не исполняемых в должной мере,

² В постановлении Нюрнбергского трибунала, в частности, сказано, что агрессия является «высшим международным преступлением», поскольку она содержит в себе накопленное зло всех остальных преступлений.

но перспективно и стратегически значимых. Особенно следует отметить Пакт Бриана – Келлога 1928 г. с отказом от войны как орудия национальной политики³, четкую формулировку признаков агрессии в резолюции ООН 1974 г.

В 2005 г. ООН приняла концепцию «Обязанность защищать», или «Ответственность за защиту» (Responsibility to Protect – RtoP). Главы государств обязались защищать людей, прежде всего свое население, от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Международное сообщество должно оказывать помощь государствам в такой защите либо само обязано защищать, когда государство явно не в состоянии это делать. Предполагается использовать весь набор мирных средств и только согласно актуальным нормам международного права. В крайних случаях, когда для защиты становится необходима вооруженная сила, привлекается Совет Безопасности ООН [Global...].

В последние десятилетия в теории международных отношений, прежде всего в американской литературе, много пишут о надгосударственном регулировании и даже о правлении. При этом *о специфике суда, значимости и верховенстве права речь обычно не идет*, что печально отличает современные дискуссии от смелых философско-правовых идей XVIII в., от проектов западноевропейских и российских юристов-международников XIX в.

Прозрения И. Канта и деятельный вклад российских мыслителей нуждаются в специальном понятийном и терминологическом закреплении. Смелую идею и призыв распространить верховенство права («законосообразность» гражданского общества в отдельном государстве) на международный уровень прежде всего в сфере войны и мира, то есть геополитики, что должно быть обеспечено судом, подкрепленным силой, назовем *принципом правового расширения Канта – Камаровского*, или просто *принципом Канта – Камаровского*. Значимость принципа состоит как минимум в решении (пусть пока умозрительном) классической проблемы анархии в международных отношениях, причем без планов учреждения какого-либо «мирового правительства».

Принцип Канта – Камаровского является вызовом-возможностью не столько для философов и правоведов, сколько для политических лидеров и дипломатов. Как мы увидим далее, пока можно

³ «Статья 1. Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов по принадлежности, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики» [Договор...].

говорить лишь о подступах к настоящему – практическому – ответу на данный интеллектуальный, моральный и гуманистический вызов.

Правовой миропорядок – пространство разнородных проектов и острой полемики

В своей недавней книге правовед-конституционалист А. Н. Медушевский совмещает трезвый взгляд на безрадостные тенденции первых десятилетий XXI в. в глобальной политике и состоянии международного права с общим оптимистическим настроением на становление и будущее торжество правовой интеграции всего мирового сообщества [Медушевский 2023: 11].

Благодаря обширности охвата современной литературы книга Медушевского позволяет судить о глобальном конституционализме не как о целостной идеологии более или менее сплоченной группы правоведов-международников, а как о поле ожесточенных интеллектуальных, моральных и весьма политизированных дискуссий. В этой области нет даже намеков на какое-то согласование позиций [Там же: 67].

Удивительным образом Медушевский в своем объемном труде (почти 700 страниц) уделил очень мало внимания *институциональным механизмам* утверждения и поддержания чаемого глобального конституционализма. Только в кратком описании одной из семи обсуждаемых стратегий автор пишет о роли международных судов [Там же: 594].

Медушевский не нашел нужным рассматривать сложнейшую проблему *правового принуждения*, возможно, посчитав ее преждевременной. Любой запрет, нарушителю которого не грозят неминуемые соразмерные наказания, санкции, имеет уже *неправовой характер* и превращается в благонамеренное моральное увещание. Поэтому необходимо обсуждать не только и не столько высокие идеалы будущего торжества права, сколько более приземленные вопросы обеспечения самых насущных норм, позволяющих более эффективно препятствовать таким бедствиям, как агрессивные войны, геноцид и этноцид.

Сколь угодно изощренное обсуждение какого-то будущего правового порядка без учета *механизмов контроля и принуждения к выполнению норм (инфорсинга)* грозит навсегда остаться лишь абстрактной интеллектуальной игрой, схоластикой.

Особенно сложной проблемой является нормативное регулирование *профилактики* правонарушений в геополитике. С одной стороны, очевидно, что лучше не доводить дело до «горячей войны»

или кровавой разрушительной революции, а значит, международное сообщество должно иметь правовые рычаги воздействия на потенциального нарушителя. С другой стороны, нарушения еще нет, обвинения в опасной угрозе весьма трудно доказать и тем более оправдать налагаемую санкцию.

Допустим, некая держава концентрирует войска у границ соседнего государства, не давая приемлемых объяснений. Потенциальная жертва агрессии должна иметь возможность не только направить ноту с выражением «озабоченности», не только пожаловаться союзникам, но также *подать иск в международный суд*.

Для такой возможности уже должна быть правовая норма, регулирующая данную сферу отношений. Власти любой державы, принимая решение о передвижении войск, тем более о планируемом нападении, должны учесть все неминуемые последствия. Авторитетность такого суда, скорость его реакции, угрозы ответственности, ожидаемые санкции для нарушителя *должны быть достаточны, чтобы надежно блокировать любые позывы к агрессии и даже к ее подготовке*.

Право не может быть полноценным без поддержанного силой независимого суда

Итак, необходима система международных судов под эгидой ООН по вопросам безопасности, сепаратизма / самоопределения наций, демаркации границ, расположения военных баз, крупных военных операций, особенно за пределами своих границ, конфликтов, связанных с торговлей оружием, наркотиками и т. п. Трудно сказать, будет ли это дополнением к двум судам в Гааге (МС ООН и МУС), их глубокой трансформацией с расширением полномочий, юрисдикцией или достройкой. В любом случае эффективное верховенство права в глобальной геополитике требует следующих кардинальных изменений, пусть полностью реализуемых лишь в отдаленной перспективе:

- передача суду нынешних полномочий СБ ООН;
- универсальная юрисдикция (преследовать по суду не только вошедшие в статут государства);
- способность к безотлагательному вынесению решений при необходимости, что предполагает множество региональных судов (отделений, филиалов)⁴;

⁴ В Римском статуте МУС неслучайно проведено разделение всех подписавших и ратифицировавших статут государств на крупные регионы (африканские,

– широкий и упорядоченный набор мирных мер, включая санкции, штрафы, условия торговли, эффективность которого гарантирована широким согласием государств;

– подкрепленность судебных решений солидарной силой такой коалиции держав, которой не осмелится противостоять ни один нарушитель.

В трехъярусной структуре (с национальным, региональным и глобальным ярусами), вероятно, должен быть установлен принцип субсидиарности, хорошо показавший себя в функционировании Европейского союза: все локальные проблемы решаются на максимально низком уровне иерархии и только при необходимости передаются на более высокие уровни.

Открытость и состязательность судов, свободная критика и другие формы общественного контроля служат хотя и не абсолютным, но достаточно высоким барьером для возможных злоупотреблений. Камень преткновения здесь – авторитет каждого суда, соответственно, его полномочия и способы, гарантии выполнения решений (инфорсинга).

Судебные решения вполне могут быть неприятными и даже невыносимыми для нынешних «почтенных вождей»: вывести войска из соседнего государства, вернуть аннексированную территорию, убрать военную базу, аэродром или ракетные установки, уничтожить там-то и тогда-то такие-то запасы оружия и т. п.

При этом дипломатические переговоры и военные, принудительные действия, играющие сейчас самую видную, если не главную, роль в геополитике, получают более скромную вспомогательную функцию. Дипломатия и применение силы никогда не исчезнут из мировой политики. Однако они не только обязаны учитывать установленные правовые рамки, но и сами призваны *способствовать осуществлению права*. Значит, в конфликтных ситуациях переговоры и вооруженная сила коалиции ведущих держав должны быть направлены на *реализацию решений международного суда*.

Стратегии и действия национальных правительств ограничены сейчас прежде всего расстановкой сил в «анархии» международных отношений, причем соотношение сил, ресурсов, потенциала союзников нередко оценивается ошибочно. По этим причинам планируемые «маленькие победоносные войны» нередко превращаются в затяжные побоища, причем чреватые крахом самих агрессоров.

азиатско-тихоокеанские, восточноевропейские, западноевропейские и др.). Таковы закономерные начальные шаги регионального развертывания [см.: The States...].

Самые высокие барьеры и условия преодоления

Обратимся к глубинной природе трудностей осуществления позитивного-реформистского сценария с неуклонным *связыванием акторов мировой политики* правилами мирного сосуществования и партнерства.

Заботы правящих элит всегда были и будут связаны прежде всего с сохранением, повышением своего престижа и легитимности, политических позиций на внутренней и внешней арене, безопасности и могущества, национального экономического роста и своего собственного благосостояния [Манн 2018; Норт и др. 2011]. Все эти интересы имеют прямое отношение к таким материям, как *суверенитет и (не)связанность международными обязательствами*.

Ни на какое ограничение своего суверенитета сегодня не согласятся Иран, Китай, Россия, Турция, Саудовская Аравия, Индия, Пакистан, Бразилия. Вполне вероятно солидарное противодействие также со стороны авторитарных режимов бывшего второго и третьего миров, которые увидят в новой правовой системе очередную попытку Запада («золотого миллиарда», «белого постколониализма» и «мировой капиталистической системы») навязать остальному миру свои правила для сохранения и укрепления собственного господства.

Ситуация видится еще более удручающей, поскольку консолидированные демократии, известные своим уважением к закону и праву (внутри своих границ!), такие как США, Израиль, Великобритания, Франция и Германия, также отнюдь не готовы ограничивать свой суверенитет. Например, Америка, во внутренней политике которой авторитет суда до последнего времени был практически непререкаем, во внешней политике, представляя себя «Градом на холме», ориентирована в большой мере на собственный произвол. Так, США бомбили Сербию без санкции СБ ООН, начали Вторую иракскую войну не только без такой санкции, но даже без согласия союзников по НАТО.

Выполнение решений международных судов прямо зависит от достижения *кратного превосходства поддерживающей эту систему коалиции* по отношению к любому нарушителю. Разумеется, такой порядок установится только при условии добровольного признания этой системы, согласия сильнейших мировых держав самим подчиняться судебным решениям, фактически следовать им в дальнейшем, что означает *существенное ограничение их суверенитета*.

Необходимость этого ограничения была прекрасно понята уже А. Эйнштейном в начале 1930-х гг., позже неоднократно обсуждалась и в конце XX в. даже была неофициально признана на уровне руководства ООН [Annan 1999]. В будущем правовом миропорядке государства должны нести реальную ответственность за нарушения, причем *не по конъюнктурно меняющейся политической воле государств и их альянсов, а согласно решению авторитетного международного суда.*

Согласно веберианской парадигме [Коллинз 2015; Манн 2018] правовой порядок понимается как *комплекс структур*: законов, социальных институтов и организаций, правовой культуры как части менталитета участников взаимодействия. Обычно и закономерно структуры такого порядка *обеспечивают прежде всего заботы его учредителей.*

На национальном уровне ключевыми правовыми институтами являются законодательные органы, или легислатуры (избираемые гражданами парламенты при демократии). При любой модели развития международного права в соответствии с *принципом Канта – Камаровского*, наряду с необходимым участием правоведов-международников и чиновников международных организаций (типа ООН), главными учредителями будут акторы мировой политики, читай – *правлящие элиты наиболее сильных и влиятельных государств.*

Таким образом, главная задача состоит в сдвиге глубинных интересов мировых элит, контролирующих политику влиятельных государств (в первую очередь членов G7, Китая, Индии, России, Турции, Бразилии, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ) и региональных союзов (таких как Европейский союз, Лига арабских государств, Африканский союз, Организация американских государств и др.) в направлении к глобальному правовому порядку.

Как сказано выше, эти интересы традиционно и за редчайшими исключениями связаны с сохранением, укреплением национального суверенитета и могущества, что делает перспективы подчинения каким-либо нормам глобального конституционализма, мягко говоря, сомнительными. *Глобальный правовой порядок никому не сулит ни роста могущества, ни гарантированного обогащения.*

В плане безопасности сильнейшие державы привыкли полагаться на свои вооруженные силы и включенность в оборонительные союзы. Слабые и уязвимые для внешней агрессии государства действительно объективно заинтересованы в связывающей роли

международного правового порядка, но их влияние минимально, а при угрозах безопасности они апеллируют к защите со стороны союзников – тех же сильнейших держав.

Проблема универсальности международных правовых норм

Особенно высокий барьер для неизбежных ограничений суверенитета со стороны любого внешнего правового порядка связан с широко распространенными антизападническими и антилиберальными настроениями Глобального Юга, а также стран с авторитарными режимами.

Трудную проблему также составляет неочевидность универсального характера международных правовых норм, особенно для обществ, признающих священными собственные религиозные, всегда связанные с ними моральные, политические и правовые традиции (исламские, православные, конфуцианские, буддийские, индуистские и др.).

В своей недавней книге Юрген Хабермас переосмысливает свои представления о либеральной демократии и универсальности западных ценностей [Хабермас 2023: 44].

Известная риторика лидеров великих держав, империй об «исторической исключительности», «миссии», собственных «традиционных ценностях» опирается на действительное широкое недоверие в мире к ценностям прав и свобод человека, воспринимаемых как «западные» [Медушевский 2023: 97–98].

Являются ли права и свободы человека, например заявленные в основополагающих документах ООН, действительно универсальными либо это сугубо западническое орудие пропаганды, неокOLONиального доминирования, навязывания западными державами своих порядков, некий «троянский конь», используемый для подрыва традиционных ценностей, самобытной религии и культуры, политического суверенитета незападных стран?

При ближайшем рассмотрении оказывается, что главное препятствие состоит не в неприятии прав и свобод человека незападными народами, культурами, а в несогласии придавать индивидуальным правам статус «высших ценностей» (см. о различии высших и общезначимых ценностей).

Немного найдется стран, правители и элиты которых будут открыто настаивать на своих привилегиях применять геноцид и этноцид, агрессивные войны, бессудные репрессии, убийства, массовые депортации, рабство и работорговлю, пытки, изнасилования, чле-

новредительство, а также открыто осуществлять подобные практики на подведомственных территориях. Таким образом, хотя бы на уровне публичного дискурса, поддержания приличий и достоинства на международной арене вполне можно говорить о продвижении к гуманности [Пинкер 2021] – к тому, что ранее называлось «моральным прогрессом» и «смягчением нравов».

Вовлечение в широкую гуманистическую коалицию

Высказанные соображения подсказывают магистральный путь преодоления указанного выше барьера. *Мировой правовой порядок предназначен не для того, чтобы устроить некий «рай на земле», а прежде всего для того, чтобы не допустить ада.* Правовые нормы, имеющие наибольшие шансы быть принятыми самыми разными режимами, народами, цивилизациями, относятся именно к соответствующим запретам [Ruling... 2009].

Во всех сферах и на всех уровнях социального взаимодействия нередко более эффективен принцип «пряника», а не «кнута». Европейский опыт показал весьма действенными перспективы признания, легитимации, принятия в региональное сообщество, в свой привилегированный клуб с лучшими условиями торговли, кредитования, инвестиций, визового режима и т. п.: лишь бы государство выполняло установленные правила.

Высвечивается политическая, прежде всего дипломатическая и дискурсивная, стратегия: связать видимые конституционалистам достоинства мирового правового порядка в геополитике, экологии, антитеррористической борьбе, преодолении голода, эпидемий и т. п. – с престижем и легитимностью главных акторов мировой политики, прежде всего правящих национальных элит ведущих мировых держав. Их интерес участия в учреждении такого порядка должен существенно превосходить их же потери, издержки, угрозы, связанные с неизбежным ограничением суверенитета.

Выше было уже сказано, что суверенитет как свобода действий внутри своей страны и на мировой арене до сих пор остается «священной коровой» не только автократий, но и «образцовых» консолидированных демократий. Значит ли это, что в настоящее время нет возможности установить правовой миропорядок с эффективной системой судов и следует отвергнуть эту идею в качестве пустого мечтания, забыть о ней?

Только упорные усилия по вовлечению интеллектуальных элит, лидеров общественных движений, представляющих разные кон-

фессиональные и национальные традиции, в общую работу построения правового миропорядка будут способствовать преодолению огромных политических препятствий, причем ментально и культурно подкрепленных.

Эволюционный подход в глобальном правовом развитии

А. Н. Медушевский [2023: 591] неоднократно поднимает тему фрагментированности правовых порядков, пишет о складывании их на уровне крупных межнациональных союзов типа ЕС. Речь идет не о досадной порочности разнообразия культур и норм, но о пользе разнообразия в эволюционном аспекте [Там же: 618].

Эти предложения дополняются идеями «сетевого эффекта», иными словами, диффузии, распространения новых привлекательных правовых порядков: «Членство в конституционных сетях позволяет обеспечить доступ к резервуару правового капитала – экономическому процветанию и внешней безопасности. В результате, как предполагается, тенденции к конвергенции могут получить перевес над тенденциями к поляризации в рамках направленного использования этого сетевого эффекта» [Там же: 593].

Очевидные трудности по включению держав в связывающую их глобальную правовую систему, которые кажутся сейчас непреодолимыми, предстанут в ином свете по мере эскалации конфликтов, *усиления глобальной турбулентности при одновременном росте нетерпимости к массовому насилию.*

Серия явных провалов в обуздании агрессоров с закономерным ростом *спроса на порядок*, совместно с широким обсуждением, упорным продвижением и популяризацией необходимости эффективной системы международных судов, будут толкать политических лидеров к поэтапному переосмыслению сложившихся правил и типов действий, их недостатков, соответственно, к построению новых структур защиты мира – росту *предложения порядка*.

Поскольку речь идет о будущих коммуникациях, об осмыслении происходящего на разных уровнях и коллективных решениях, политическая наука не способна обоснованно сформулировать необходимые и достаточные условия преодоления вышеуказанных препятствий. Непреложной остается только общая рамка таких условий:

– сочетание трагических событий, вызывающих настолько сильное разочарование в имеющихся институтах, порядках регулирования, что необходимость их преобразования становится общим консенсусом хотя бы в одной крупной коалиции государств;

- наличие «на столе альтернатив» проекта правового миропорядка, стратегий к его реализации;
- включение механизмов соперничества и социальной эволюции, «работающих» в том же направлении.

Условия и этапы становления верховенства права в геополитике

Соединяя общие представления о механизмах социальной эволюции [Гринин, Коротаев 2007], развитии порядков международного взаимодействия с идеями и темами дискуссий глобального конституционализма, получаем основные ингредиенты будущего желательного процесса конструирования/складывания правового миропорядка со следующими характеристиками:

- *многоэтапность*, когда каждая новая ступень, достижимая в «зоне ближайшего развития», становится плацдармом для нового продвижения;
- *поливариантность и полиморфизм*, когда разные проекты и пути правового развития, реализуемые разными союзами обществ в макрорегионах, соревнуются между собой, привлекая новых участников;
- *эволюция и многоуровневый отбор*, когда конкуренция за выживаемость и распространение происходит между конкретными нормами, правовыми идеями, принципами конституционализма, проектами глобального правового порядка, а также соперничают за интеллектуальный престиж сообщества правоведов, борются за авторитет, легитимность, лидерство разные державы, мировые регионы и мегарегионы – «миры»;
- *фундаментальный сдвиг критериев влияния и престижа («величия»)* на глобальном уровне; сейчас кто имеет оружие (Силу) и деньги (Богатство), тот имеет могущество, влияние (Политическую Власть) и статус, авторитет (Престиж); существенный сдвиг условий, способствующих расширению правового порядка, произойдет, когда правовые и гуманные способы применения Силы и Богатства станут более привлекательными, легитимными, выгодными, что гарантированно даст выигрыш во Власти и Престиже;
- *станут дискредитирующими* неправомерные, антигуманные действия, особенно связанные с насилием, что грозит нарушителям гарантированным падением легитимности благодаря ревностному контролю со стороны конкурентов, прессы, общественности, с нависающими угрозами последующих судебных исков.

В социально-организационном плане эти сдвиги будут способствовать складыванию новой системы международно-правового регулирования геополитики. Развитие и усиление этой системы, в свою очередь, станет *плацдармом для последующего эволюционного продвижения в том же направлении*.

На какой же нормативной основе может и должна развиваться судебная система (предположительно с глобальным, региональным и национальным уровнями)? В этом вопросе не следует заглядывать слишком далеко: какие именно законодательные органы, когда и как будут развивать нормы международного права. Наиболее естественно и реалистично начинать с малого («слона надо есть по частям»).

Самая актуальная и правильная задача – сосредоточить внимание на предотвращении незаконных межгосударственных вторжений, любых вооруженных нападений и атак с пересечением границ. Резолюция ООН 1974 г. с определением и четкими критериями агрессии⁵ вполне способна служить *международным законом прямого действия*. В сложных случаях, когда нападающая сторона оправдывает свои действия как необходимые превентивные, или как освобождение ранее незаконно захваченной, аннексированной территории, или как спасение людей от геноцида и т. п., должны быть уточнены строгие критерии «справедливой войны».

Профессиональные юристы-международники в союзе с историками дипломатии и войн, политологами вполне способны разработать ясные формулировки, позволяющие отличить незаконную агрессию от оправданных «гуманитарных операций» любого типа. В особо трудных, сомнительных моментах следует опираться на базовые нравственные и общеправовые принципы.

Так, твердой и надежной моральной платформой представляются *общеизвестные ценности*, гуманистический принцип защиты человека – *антропростасия* [Розов 2019]. Соответствующую правовую основу составляют нормы *Всеобщей декларации прав человека*⁶. Вообще говоря, предполагается, что каждое государство, получившее членство в Организации Объединенных Наций, обязуется не только соблюдать ее Устав, но также согласовывать свою политику с нормами этой *Декларации*.

⁵ См. перечисление признаков агрессии в резолюции на сайте ООН: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.

⁶ См.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

Если XX век, переживший две страшные мировые войны, славен принятием *Декларации*, то честью политиков, держав, партий, движений и всех людей доброй воли XXI в. будет создание работающих механизмов реализации сформулированных в ней гуманистических принципов. Поскольку именно войны наносят самый большой ущерб правам, свободам и достоинству человека, построение правовых институтов предотвращения войн является главным приоритетом текущего столетия.

Есть множество скрытых ресурсов, которые могут и должны быть использованы на долгом пути к правовому миропорядку, так что вышеуказанные шаги и дальнейшие стратегии будут многократно пересматриваться по ходу движения.

Данный путь, вероятно, займет *несколько десятилетий или даже поколений*. «[Идея] такова, что осуществляется позднее всех, а это следует еще и из того, что здесь требуются правильное понятие о природе возможного [общественного] устройства, большой, в течение многих веков приобретенный опыт и, сверх того, готовая к принятию такого устройства добрая воля: однако одновременное появление всех трех элементов – дело чрезвычайно трудное, и если оно может удался, то лишь очень поздно [и] после многих тщетных попыток» [Кант 1994а: 101].

Неизбежно смысловым стержнем (явным или неявным) будет этический, философско-правовой и философско-политический дискурс: новые трактовки базовых ценностей и принципов, способы разрешения ценностных конфликтов, конституционалистские идеи, формулировки, уточнения и обоснования правовых норм, способы убеждения и вовлечения, механизмы «высокой дипломатии», ориентиры эволюционного приближения к правовому миропорядку.

Литература

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // *Философия и общество*. 2007. № 3. С. 5–48.

Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901786550> (дата обращения: 14.02.2025).

История международного права / под ред. А. И. Дмитриева, У. Э. Батлера. Одесса : Феникс, 2013.

Камаровский Л. А. О международном суде. М. : Тип. Т. Малинского, 1881.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Соч.: в 4 т. Т. 1. М. : Ками, 1994а. С. 79–123.

Кант И. К вечному миру / И. Кант // Соч.: в 4 т. Т. 1. М. : Ками, 1994б. С. 353–477.

Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М. : УРСС, 2015.

Манн М. Источники социальной власти. Т. 1. М. : Дело, 2018.

Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. М. : Директ-Медиа, 2023.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М. : Альпина диджитал, 2021.

Розов Н. С. Антропростасия (защита человека) – этическое ядро гуманизма // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 1. С. 141–156.

Саямов Ю. Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 33–46.

Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб. : Алетейя, 2003.

Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. М. : НЛЮ, 2023.

Annan K. Two Concepts of Sovereignty // The Economist. 1999. September 16. Pp. 49–50.

Global Center for the Responsibility to Protect [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalr2p.org/> (дата обращения: 14.02.2025).

Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance / ed. by J. L. Dunoff, J. P. Trachtman. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

The States Parties to the Rome Statute [Электронный ресурс]. URL: <https://asp.icc-cpi.int/states-parties> (дата обращения: 14.02.2025).